

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Г. Е. ВОЛКОВА,

*соискатель кафедры теории и истории государства и права
Южного федерального университета*

В настоящее время меняется понятийный аппарат права, появляются новые объекты правоотношений, терминология из технической сферы постепенно становится незаменимым атрибутом нашей жизни, в результате чего в праве появляются новые явления и понятия, нуждающиеся в четком определении. Одним из таких понятий является термин «цифровые права».

Не смотря на то, что сама концепция «цифровых прав» зародилась в конце в конце XX века, в научной литературе до сих пор нет единого подхода в отношении как определения, так и к пониманию сущности цифровых прав. Как справедливо указывает М. А. Рожкова, «в начале XXI века термин «цифровые права» еще не имел широкого распространения – для обозначения этих прав нередко употреблялись выражения «интернет-права», «права человека в интернете/в киберпространстве», «киберправа и киберсвободы» (англ. cyber-rights & cyber-liberties)» [1, с. 3]. В русскоязычной юридической литературе данные права обычно называют информационными, цифровыми, виртуальными, в англоязычной литературе пишут о цифровых правах (digital rights), интернет-правах (Internet rights), праве на коммуникацию (right to communicate), свободе соединения с любым лицом, в любое время, в любом месте, для любых целей (freedom to connect – to anyone, anytime, anywhere, for anything) [2, с. 20].

Полагаем, что сложившееся сегодня многообразие подходов к определению термина «цифровые права» во многом объясняется тем, что к исходным для данного термина понятиям «цифровые» и «права личности» исследователи применяют разные смысловые формулировки, что, соответственно, предопределяет разность выводов и отсутствие устойчивых однозначных определений. Как подчеркивают в своем исследовании И. В. Понкин, А. И. Редькина, концепция цифровых прав включает в себя рассмотрение существующих прав сквозь призму цифровизации [3]. Однако, и само понятие «цифровизации» пока не имеет однозначного определения ни в отечественной, ни в западной науке. В большинстве литературных источников, опубликованных в первом двадцатилетии XXI века и посвященных цифровизации различных сфер жизнедеятельности человека, наиболее часто

встречается использование термина digitization и digitalization, что, как подчеркивают Т. Ю. Кудрявцева, К. С. Кожина, означает «кодирование информации в цифровую форму» и «использование оцифрованной информации и цифровых технологий» соответственно [4]. На неопределённость и многозначность подходов к термину «цифровой», указывают и Л. Н. Данилова и др.: «В условиях глобализации с Запада в Россию было заимствовано два подхода к пониманию феномена цифровизации: 1) в узком смысле она означает оцифровку данных; 2) в широком – стратегию интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь общества» [5]. Однако, сегодня все чаще можно встретить более широкий подход, согласно которому цифровизация – это не только «оцифровка» существующих процессов для последующей трансформации и интеграции, но и процесс формирования «информационной цивилизации» [6, с. 170], новой цифровой экономики, нового «гибридного цифрового общества» [7, с. 80], в котором складываются неизвестные ранее общественные отношения, требующие правового регулирования в «цифровой парадигме права» [8, с. 257].

Отсутствует в российской науке и устойчивый единообразный подход к пониманию термина «права личности». Ведь понятие «права личности» – категория не только юридическая и политическая, но и философская, и этическая. Несмотря на то, что термин «права личности» используется и в юридической литературе, и в нормативных правовых актах, в частности в Конституции Российской Федерации, до сих пор не выработан единый подход к соотношению понятий «права человека» и «права личности».

Проанализированные нами источники свидетельствуют о том, что в зарубежной и российской юридической литературе существует множество различных взглядов на концепцию цифровых прав личности. При этом, научные дискуссии на эту тему разделили исследователей на две основные группы: эволюционную, представленную сторонниками признания цифровых прав как нового поколения прав человека и консервативную, представленную противниками такой идеи, полагающими, что цифровые права – это существующие права, «выдвинутые» из существующей системы прав человека. Сразу хотим оговориться, что называя сторонников второго подхода консерваторами, мы говорим о консервативном типе мышления, который, как справедливо отмечает Е.А. Казачанская, не означает ориентацию на консервацию или застой в развитии, а наоборот, предполагающий модернизацию и развитие с опорой «на традиционный, устойчивый и эффективный культурно-исторический опыт» [9, с. 35].

Наиболее распространенным доводом сторонников консервативного подхода к концепту цифровых прав является отрицание необходимости

в выделении цифровых прав и свобод, в связи с тем, что в условиях цифровизации изменяется только «реализации существующих конституционных прав человека» [10, с. 95], а «содержание ранее известных прав остается неизменным» [11, с. 536]. Таким образом, суть консервативного подхода заключается в необходимости приспособления уже имеющихся правовых институтов прав человека к цифровой реальности, что не требует особого специального регулирования и рассмотрения. Так, по мнению В. Д. Зорькина «Цифровые права человека – это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, – применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации» [12]. В. В. Невинский исследует понятие цифровых прав через призму конституционных прав личности и приходит к выводу, что цифровые права есть и что иное как «и универсальное конституционное право на свободу информацию, и "детализирующие" его информационные права, и "традиционные права на определенные виды и способы оборота информации" в системе представляют собой "цифровые права человека" [13, с. 30].

Сторонники второго подхода к концепту цифровых прав, названного нами эволюционным, полагают, что цифровые права в условиях информационного общества представляют собой новое поколение прав человека, относя их к четвертому, а иногда и к пятому поколению. Так, в исследовании цифровых прав А. И. Ковлер указывает, что несмотря на условность самого деления прав человека на поколения «в политико-правовом дискурсе и в науке принято условное деление прав человека на три поколения – естественные права, гражданские и политические, социальные права», относя при этом цифровые права к правам четвертого поколения [14, с. 7]. В основе такого подхода лежит восприятие цифровой трансформации общественных отношений как потенциально способной оказать существенное влияние на систему прав человека, изменяющей традиционное понимание прав и свобод, создающей новые, зависимые от информационно-коммуникационных технологий права. К таким правам можно отнести право на доступ в сеть Интернет, право на забвение, право на бесцифровую среду, право на цифровое образование и развитие цифровых навыков, право на цифровую идентичность, право на цифровую безопасность и право на неприкосновенность частной жизни в цифровом пространстве и т.д. Появление новой парадигмы права обусловлено, прежде всего, особым значением и актуальностью обеспечения и защиты традиционной системы прав и свобод в сети Интернет. Эволюционный подход к понятию «цифровых прав» включает в себя как особенности реализации прав человека в цифровой среде, так и появление новых субъективных прав, требующих особых принципов осуществления и своеобразных гарантий защиты в процессе использования цифровых технологий.

Какой из этих подходов верный? Как ни парадоксально, но оба. В поддержку сторонников консервативного подхода отметим, что проанализированный нами в рамках настоящего исследования объем нормативно-правовых актов свидетельствует о весьма незначительной скорости и единичных случаях внесения изменений в Основные законы государства в части как закрепления в них новых прав человека, так и корректировки перечня традиционных прав и свобод с учетом цифровой трансформации общественных отношений. Полагаем, что фундаментальным вопросом для теоретико-правового осмысления такого подхода к пониманию цифровых прав как «цифровой оболочки» существующих является необходимость осмысления «глубины» изменений цифровой формы реализации существующих прав. И, если цифровая трансформация подразумевает полный переход от традиционного права, например на образование, к цифровому (электронному), то скорей можно будет говорить о новом типе отношений, требующим своей «цифровой парадигмы права». В поддержку сторонников эволюционного подхода к праву отметим, что повсеместное внедрение цифровых технологий не может не видоизменять систему прав человека.

Несомненно, теоретико-методологические подходы к понятию цифровых прав продолжают развиваться. Следует осмыслить необходимость разграничения прав личности, которые могут осуществляться как в цифровой, так и в традиционной или реальной среде и цифровых прав, существующих только в цифровом пространстве. Полагаем, что в первом случае следует говорить именно о способе реализации фактически существующих прав личности, а во втором уже о собственно цифровых правах как новом поколении прав человека.

Осложняет восприятие концепта цифровых прав тот факт, что для европейского правового пространства «цифровые права» понимаются в контексте прав человека и публичного права, и в данном смысле они постепенно обретают постепенно юридический очертавания на международном уровне и закрепление на национальном. В Российской Федерации цифровые права получили свое закрепление в Гражданском Кодексе РФ как объект гражданских правоотношений. Таким образом, наше государство не поддержало единый комплексный правовой подход к процессам цифровизации и тем самым, по справедливому замечанию Э. В. Талапиной, «Россия вновь утвердилась в роли диссонатора континентальной правовой системы» [15, с. 141].

ЛИТЕРАТУРА

1. Рожкова, М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 10(525). – С. 3–12. – EDN PSBNNMH.

2. Абламейко, М. С. Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство / М. С. Абламейко, Н. В. Шакель // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2022. – № 2. – С. 19–26. – EDN FQQMMB.C.21
3. Понкин И. В., Редькина А. И. К вопросу о понятии и онтологии цифровых прав // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-ontologii-tsifrovyyh-prav> (дата обращения: 18.11.2023).
4. Кудрявцева Т. Ю., Кожина К. С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. – 2021. – № 3 (44). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-ponyatiya-tsifrovizatsii> (дата обращения: 24.08.2023).
5. Данилова Л. Н., Ледовская Т. В., Солынин Н. Э., Ходырев А. М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-ponimaniyu-tsifrovizatsii-i-tsifrovyyh-tsennostey> (дата обращения: 14.08.2023).
6. Гришанин И. К. Социально-философская концепция права и принуждения: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. – Н. Новгород, 2006.
7. Горелова, Ю. С. Подходы к определению цифровой трансформации / Ю. С. Горелова, И. Н. Ленков // Modern Science. – 2023. – № 1-1. – С. 80–84.
8. Овчинников, А. И. Риски в процессах цифровизации права / А. И. Овчинников // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 257–261.
9. Казачанская Е. А. Аксиологические особенности консервативного правового мышления в эпоху цифровой трансформации общества // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 4. – С. 34–40. – DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-34-40>.
10. Зиновьева, Е. А. К вопросу о реализации прав и свобод личности в условиях цифровизации / Е. А. Зиновьева // Проблемы экономики и юридической практики. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 94–99.
11. Шахновская И. В. Эволюция конституционного права в условиях цифровизации / И. В. Шахновская // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 23 сентября 2022 года / Под редакцией И. Р. Бегишева [и др.]. Том 1. – Казань : Познание, 2022. – С. 531–537.
12. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. – URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyye-pravagrazhdan.html> (дата обращения: 12.08.2022).
13. Невинский, В. В. "Цифровые права" человека: сущность, система, значение / В. В. Невинский // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 10. – С. 26–32.
14. Ковлер А. И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 12. – С. 5–29. – DOI: 10.12737/jrl.2022.125.
15. Талапина, Э. В. Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект / Э. В. Талапина, А. А. Антопольский, В. Н. Монахов. – М. : Общество с ограниченной ответственностью "Перспект", 2023. – 144 с. – ISBN 978-5-392-37958-3. – EDN GFDYTY.